

Философия русского марксизма в XX столетии

1. Генезис марксистской философской мысли в России
2. «Со Спинозой в башке и наганом в руке»: спор диалектиков с механистами
3. Марксистская философская диалектика – диалектика и истмат
4. Диалектическая логика Э. Ильенкова

1. Генезис марксистской философской мысли в России

В русскую философию идеи Маркса проникли в 60-е годы XIX века. В это время народники П. Лавров, Г. Лопатин, В. Засулич плотно общались с Марксом, а Михаил Бакунин был знаком с ним еще с 1844 года и называл себя сторонником материалистического понимания истории (впрочем, он разделял также идеи Конта и Прудона).

«Первым русским крестоносцем марксизма»¹ стал Георгий Плеханов. В 1882 г. он увлекся учением Маркса, заново перевел на русский язык «Манифест коммунистической партии»², однако лично познакомиться с Марксом Плеханов не успел – тот умер в марте 1883. По складу ума Плеханов был ближе к Энгельсу, чем к Марксу, и в области философии по своему продолжил дело Энгельса.

Тут надо сделать отступление, чтобы пояснить разницу между Марксом и Энгельсом в части использования ими диалектического метода. В руках Маркса, как и у Гегеля, диалектика представляла собой *логический метод* восхождения от абстрактного к конкретному, т.е. метод построения научной теории из простейших всеобщих абстракций.

В материалистической теории истории исходной абстракцией является *труд*. Исследование труда как «субстанции-субъекта», т.е. основы и движущей силы, всемирной истории служит источником выведения всех прочих, все более сложных и конкретных понятий, таких как разделение *труда* и частная собственность (отчужденный *труд*), потребительная стоимость (конкретный *труд*) и «просто» стоимость (абстрактный *труд*), рабочая сила (живой *труд*) и капитал (овеществленный *труд*), труд физический и духовный, наемный и свободный, необходимый и прибавочный, частный и всеобщий труд и т.д. Все без исключения понятия исторической теории Маркса суть формы выражения («модусы», как сказал бы Спиноза, – или, как предпочитал изъясняться Гегель, *Gestaltungen*, «формообразования») одной-единой субстанции, каковой является труд.

Словом, в руках Маркса диалектика была методом построения новой теории, логикой научного открытия. Энгельс это хорошо сознавал, однако сам он не умел «восходить» от абстрактного к конкретному (да и кто еще так умел?³). Самое большее, что ему удавалось, – это применять в своих исследованиях отдельные положения диалектической логики да иллюстрировать их примерами из области естественных наук и математики, политической и военной истории и т.д.

Как часто случается в ходе популярного разъяснения теории, отчасти уже у Энгельса, происходит испарение ее «живой души» – метода мышления, которому данная теория обязана своим возникновением. В работах, собранных в книге «Диалектика природы», Энгельс провел интересное исследование современных естественнонаучных теорий на предмет их диалектичности, обнаружив массу *примеров* «стихийного» диалектического мышления и *иллюстраций* вычитанных им у Гегеля законов и категорий диалектики.

¹ Эпитет принадлежит перу Льва Троцкого.

² Первый перевод вышел еще в 1869, его выполнил Бакунин и напечатал в типографии герценовского «Колокола».

³ Сама материалистическая диалектика до сих пор не построена «от абстрактного». Даже такой выдающийся мастер, как Э. Ильенков, ограничился историческим очерком диалектической логики, не предложив материалистической альтернативы гегелевской дедукции категорий «мышления о мышлении»: бытие – сущность – понятие.

Школа Плеханова превратила поиск диалектичных примеров с последующим их «синтезом» в одну мировую картину – в главное поприще марксистской философии¹. Так по сей день эта «философская картина мира» и фигурирует в госстандарте, только в множественном числе – демократия как-никак, каждый философ вправе «синтезировать» собственную картину, наряду с «религиозными и научными² картинами», которые по соседству с философом пишут ученый и богослов.

Диалектика как *логический метод* научного исследования оказалась надолго, на добрых полвека забыта, несмотря на все усилия Ленина, резюмированные лапидарной формулой на полях томика Гегеля: мол, «не надо трех слов»: диалектика, логика и теория познания – это одно и то же. Ленин умел учиться и до зрелых лет учился диалектике по Гегелю и Марксу, однако ни в одной его книге нет и тени «восхождения от абстрактного», наподобие дедукции форм стоимости в «Капитале» Маркса.

Ленин ругал и высмеивал философские картины мира, особенно те, что писались его соратниками, большевиками – А. Богдановым, В. Базаровым, А. Луначарским. В этом отношении он остался верен взглядам основоположников марксизма, объявивших такую философию «покойницей» (Энгельс). Однако, как выяснилось в ходе дебатов с позитивистами, в основе своей ленинская теория познания недалеко ушла от старого философского материализма, – который Маркс в свое время окрестил «созерцательным» за то, что действительность берется им «только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *чувственно-человеческая деятельность, практика*; не субъективно»³.

Эти слова звучат как приговор ленинской дефиниции материи: «объективная реальность, данная в ощущениях»⁴. Вполне по-ленински, как *ощущаемый объект*, понимали материю и английские эмпирики, и французские просветители, и Фейербах – «весь предшествующий материализм», критикуемый в тезисах Маркса.

«В ощущениях» человеку дана не столько объективная реальность, сколько его же собственная предметно-деятельная *субъективность*, практически преобразующая «объективную реальность», а с ней и все наши ощущения. Эта «деятельная сторона» (*die tätige Seite*), по словам Маркса, «развивалась абстрактно идеализмом», прежние материалисты ее не видели и не понимали. Ленинская дефиниция материи так же начисто лишена деятельной стороны.

Маркс открыл, что реальный мир дан человеку *практически*, в формах его собственной материальной деятельности. Вернее сказать, объективная реальность *не дана, а взята* – добыта человеческим трудом у Природы. Ну а Ленин в свое определение материи вместо «практики» включил «ощущения». Или он так убого практику понимал – как процесс «копирования-фотографирования нашими ощущениями»?..

По большому счету, в «Материализме и эмпириокритицизме» нет ни одной идеи, которая не была бы отлично знакома философам до Маркса. То есть нет собственно марксизма. Материалистической диалектики нет. В абстрактной дефиниции материи, как «объективной

¹ «Если мы и примем ограничение Энгельсом области философии областью мышления и его законов», – писал Плеханов, – то и такая теория «предполагает общий синтетический взгляд на природу и жизнь... Философия есть система синтетических идей, объединяющих совокупность человеческого опыта на достигнутой в данную эпоху ступени интеллектуального и общественного развития. Короче: философия есть синтез познанного бытия данной эпохи» (Сочинения, т. 18, с. 324-325). Аналогичное суждение о философии, как «*общем синтезе всех научных знаний*», можно найти в книге позитивиста Абея Рея «Современная философия». В этом самом месте Ленин начертил на полях: «блягёр!» и «дура!» (ПСС, т. 29, с. 521).

² Очевидно, авторы госстандарта философию за науку не держат. Видимо, соглашаясь с Расселом, что философия – это такая «ничейная земля» между владениями науки и религии.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42, с. 261.

⁴ Плеханов, к слову, дал схожую дефиницию несколькими годами раньше: «*“Материей” называют то, что, действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения*» (Избранные философские произведения, т. 2, с. 446). В другом месте прибавив, что материя представляет собой «совершенно независимую от свойств человеческого сознания, в себе существующую действительность» (с. 434). Объективную реальность, стало быть.

реальности», диалектики не больше, чем в дефиниции человека как «двуногого без перьев». И логики ровно столько же: в обоих случаях вместо *сущности* определяемого предмета (материи, человека) взят один из его *отличительных признаков*.

Хочешь выразить сущность материи – определи, что и как материя *делает*. Хорошее определение должно указывать способ действия данной вещи, а не какие-то ее признаки, пусть даже и уникальные. Это отлично понял уже Аристотель¹.

Наряду с плехановским пониманием предмета философии, как «синтеза» всего и вся «познанного бытия», ленинская дефиниция материи сделалась краеугольным камнем советского диамата – его философской «картины мира». Ритуальным цитированием этой «гениальной формулы» открывались все советские учебники философии, ее заучивали наизусть и декламировали, как стихи.

Начало эпохе советской марксистской философии положила генеральная битва умов, в фокусе которой оказалась фигура Спинозы.

2. «Со Спинозой в башке и наганом в руке»: спор диалектиков с механистами

Задумав изложить «диалектическую философию», Плеханов принялся искать точку опоры – исходные понятия, прежде всего понятия материи и мышления. У Маркса не нашлось на это времени², ну а Энгельс не счел «великий, основной вопрос» философии достоянием большего, нежели пара страниц в популярной брошюре. Тогда взор Плеханова обратился к «старичку Спинозе» (звучит как черный юмор, если вспомнить, что тот не дожил и до 45 лет). При встрече Плеханов спросил Энгельса, согласен ли он с тем, как Спиноза решил проблему отношения мышления и материи, на что Энгельс в присутствии двух свидетелей ответил: «конечно, старик Спиноза был вполне прав». Вдохновленный Плеханов провозгласил метафизику Спинозы основой философии марксизма. «Современный материализм представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм»³. И даже больше того: «Материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма»⁴.

Эти строки Плеханов написал в полемических статьях против социал-демократа Э. Бернштейна, затеявшего ревизию марксизма в духе неокантианства. В конце XIX столетия вошел в моду призыв марбургской профессуры: «Назад к Канту!». В ответ Плеханов призвал вернуться лучше к Спинозе, «к философии этого благородного и гениального еврейского мыслителя. Это – нечто иное и гораздо более разумное...»⁵.

Плеханов был человек превосходно образованный и разбиравшийся в общественно-исторических науках, блестящий публицист, однако философом он был, прямо скажем, посредственным. «Этика» оказалась ему не по зубам, и вообще, Спинозу Плеханов толковал крайне примитивно – как прототип Дидро и Фейербаха, разве что отягощенный «теологическим привеском» (не к лицу порядочному материалисту называть природу «Богом»).

После Октябрьской революции главными авторитетами в молодой советской философии оказались ученики Плеханова – Ленин своей философской школой не обзавелся. В прошлом они, как и сам Плеханов, были меньшевиками, поэтому Ленин, распорядившись привлечь их к преподаванию философии, прибавил: за ними «присмотреть надо»⁶.

Присмотрел – Сталин...

¹ «Всякий предмет определяется совершаемым им действием...» (Polit. I, 11, 1253a).

² В письме к Энгельсу Маркс посетовал, что ему недосуг изложить диалектику «на двух или трех печатных листах» (т. 29, с. 212). Зато он сумел выкроить время на тридцать листов «Математических рукописей».

³ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. 2, с. 339.

⁴ Плеханов Г.В. Сочинения, т. 18, с. 261.

⁵ Избранные философские произведения, т. 2, с. 351.

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 52, с. 159.

В 1922 году начал выходить первый философский журнал «Под знаменем марксизма», главным редактором стал А. Деборин. Директором Института Маркса и Энгельса и издателем их (а также Плеханова) собрания сочинений был Д. Рязанов. В 1931 году Сталин отстранил их от работы, объявив *меньшевистствующими идеалистами*: первое – за отрыв философской теории от «практики» (читай: от политической линии партии), второе – за тягу к гегельянщине (= диалектике). Почти все они, за исключением почему-то предводителя – академика Деборина, были репрессированы несколько лет спустя. Но еще раньше сами эти «диалектики» деборинцы успели расправиться со своими идейными противниками – «механистами» (И. Скворцов-Степанов, А. Тимирязев, Л. Аксельрод и др.).

За 10 лет своего руководства советской философией «диалектики» успели издать добрую сотню работ о Спинозе. Марксизм провозглашался «неоспинозизмом XX века» (И. Луппол). Рекламации последовали от другой части учеников Плеханова. В Предисловии к новому изданию его книги «Основные вопросы марксизма», а затем и в большой статье «Спиноза и материализм» Л.Б. Аксельрод (Ортодокс) напомнила плехановские слова о «теологическом привеске» у Спинозы, постаравшись доказать иудаистскую природу его понятия Бога. «И какой абсурд утверждать, что Субстанция Спинозы есть материя», – восклицала Аксельрод, – когда философия Спинозы насквозь пропитана опиумными парами религии: «глубоко вкоренившимся религиозным чувством»¹. Ничего себе привесок.

Позицию Аксельрод поддержали А. Богданов, А. Варьяш, А. Рубин и др. Полемика немедля переросла в идеологическое побоище, а ее научный уровень устремился к нулю. Как справедливо заметит сэр Исая Берлин, те споры представляют больший интерес для исследователей советской идеологии, чем для исследователей Спинозы².

Бесконечные взаимные обвинения в ревизионизме, сионизме, идеализме и тому подобных грехах окончились для большинства спорщиков гибелью в сталинских лагерях. Писать о Спинозе стало небезопасно, и река публикаций вскоре обмелела. Но и позднее, когда угроза расправы миновала, все советские философы продолжили лепить из Спинозы материалиста (то механического, «а ля Гоббс», то диалектического – «Маркса без бороды»), игнорируя или ретушируя все, что не вписывается в образ «Моисея для материалистов», как любя прозвал Спинозу Л. Фейербах.

Если понимать материю по-ленински, как объективную реальность, данную *в ощущениях*, Аксельрод, конечно, права: у такой «реальности» нет ровно ничего общего с субстанцией Спинозы (та постигается исключительно *разумом*, «интеллектом»). Но еще нелепее – привязывать философского Бога Спинозы к богам религий и выискивать у него «теологический элемент», «иудейскую окраску» и тому подобные «привески», не считаясь с протестами самого Спинозы.

«Между верой, или Теологией, и Философией нет никакого общения или какого бы то ни было родства»³, – категорически заявлял автор «Богословско-политического трактата». Между ними – пропасть: «Ибо цель Философии есть не что иное, как истина; [цель] Веры же, как мы достаточно показали, только послушание и благочестие. Далее, основания Философии суть всеобщие понятия, и саму ее надлежит черпать единственно из природы; [основания] же Веры суть предания и язык, а черпать ее должно единственно из Писания и откровения».

Считать после этих слов Спинозу *философом религиозным* может только слепой либо недобросовестный и предвзятый читатель. А спинозовский Бог, стало быть, не имеет никакого «общения или родства» с богами теологов.

¹ Аксельрод Л. Спиноза и материализм // Красная Новь, 1925, кн. 7, с. 144-168; Надоело! // Красная новь, 1927, кн. 3, с. 171-181.

² Berlin I. Review. George L. Kline, Spinoza in Soviet philosophy // Oxford Magazine, 1952-1953, vol. 71, p. 232-233. Подробное описание хода дискуссии см. в статье: Яхот И. «Со Спинозой в башке и с наганом – в руке» // Философия практики и культура, вып. 1/2, 2005.

³ «Inter fidem, sive Theologiam, et Philosophiam nullum esse commercium, nullamve affinitatem» (Spinoza Opera. Heidelberg, 1925, vol. 3, p. 179).

3. Марксистская философская диатриба – диамат и истмат

Дебаты «диалектиков» с «механистами» все время вращались вокруг проблемы отношения философии к прочим наукам, особенно естественным. «Механическим пониманием природы» называли и само современное естествознание, и позитивистские обобщения «данных науки», вроде тех, на которые в свое время обрушился Ленин. Под «диалектикой» же обычно имелся в виду не столько метод мышления, сколько картина мира, образуемая переводом тех же самых «данных науки» на язык диалектики, с ее «спиралями» и «скачками».

В такую квази-диалектическую картину мира несложно встроить что угодно – и «мичуринскую» биологию (где на каждом шагу «диалектические скачки» от дуба к березе и зарождение васильков из ржи), и «павловскую» психологию, и насквозь лживую историю партии. Даже генетика с кибернетикой, которых поначалу окрестили «продажными девками империализма», впоследствии чудесно вписались в «диамат».

К 30-му году «механисты» были повержены и унижены, а в рядах «диалектиков» – точнее, *диаматчиков* – началась смена поколений: выращенные в Институте красной профессуры молодые «мыслители» (П. Юдин, М. Митин, Ф. Константинов – всем им в то время около тридцати) при поддержке Сталина изгнали с «философского фронта» меньшевиков-деборинцев и искоренили «гегельянщину», как именовались остатки подлинной диалектики, сохранявшиеся у старой гвардии плехановского созыва.

Митин был вскоре назначен академиком¹ и возглавил Институт марксизма-ленинизма, Юдин стал директором Института философии Академии наук. Они не преподавали и не защищали диссертаций, сосредоточив силы на прославлении «корифея всех наук» и расставке во главе философских кафедр себе подобных кадров.

Главным принципом философии сделалась «партийность». Это означало, что верховным и неоспоримым критерием истины должны быть интересы рабочего класса (как их представляли себе вожди пролетарской партии, разумеется). На тех же партийных весах взвешивалась и добродетель. Нравственно то, что служит интересам пролетариата, наставлял первых комсомольцев Ленин²...

Философия в собственном смысле слова прекратилась у нас на долгие четверть века. Как метко скажет потом Э. Ильенков, диалектика была распята на кресте из «четырех черт»³ § 2 четвертой главы сталинского «Краткого курса». Этот параграф, «О диалектическом и историческом материализме», в предельно емкой и сжатой форме подытожил и осветил устоявшуюся в марксистской *диатрибической* литературе «картину мира».

Слово *diatribe* у древних греков означало беседу, развлечение, а также – обучение, школу. «Диатрибической» называется литература учебная, школьная⁴. К этому жанру относились и две марксистские философские дисциплины – диамат и истмат.

Диамат представлял собой облаченную в диалектическую фразеологию метафизику природы: онтологию плюс натурфилософию. А истмат был философией истории, метафизикой общественной жизни.

¹ Когда Сталин предложил это звание Митину и Юдину, последний как-то замялся, сказав, что не совсем уверен, достоин ли он столь высокой чести. «Ну что ж, – сказал Сталин, – тогда будьте членом-корреспондентом». А Митин согласился на академика (Из воспоминаний Т.И. Ойзермана, см.: Вопросы философии, 2004, № 5, с. 38).

² Ему также очень нравилась фраза В. Зомбарта: «в марксизме нет ни грана этики». Нечто подобное заявляли и авторы «Немецкой идеологии»: «Коммунисты вообще не проповедуют никакой морали» (т. 3, с. 236), – и то же самое скажет о себе... Ницше (см.: Веселая наука, кн. IV, «Проповедникам морали»).

³ Всё в мире взаимосвязано, всё непрерывно движется, количественные изменения переходят в качественные, а развитие совершается через борьбу противоположностей.

⁴ Прекрасное исследование такой литературы провел А.В. Потемкин. См. его книги: «Проблема специфики философии в диатрибической традиции» (Ростов-на-Дону, 1980) и «Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки» (Ростов-на-Дону, 2003).

Выражение «диалектический материализм» ввел в обращение немецкий марксист-самоучка И. Дицген, а Плеханов сделал именем собственным *марксистской философии*¹.

Об «историческом материализме» говорил еще Энгельс, имея в виду метод исследования – «взгляд» на историю², но ни в коем случае не особую марксистскую дисциплину, не говоря уже о «философии истории». Творцом истмата по праву может считаться тот же Плеханов, предложивший простую, как репа, формулу: исторический материализм есть применение материалистической диалектики к области истории³.

На самом деле, у Гегеля и Маркса диалектика *родилась и выросла* в лоне истории. История – отчий дом диалектики, а не «одна из областей» ее применения. И если Гегель строил еще особую «философию истории», то Маркс занялся конкретно *исторической наукой*, попытавшись снять и отбросить в сторону «очки философа».

Истматчики вернули к жизни «покойную философию». Научное содержание теории Маркса волновало их меньше, намного меньше, чем «философское», или, вернее, идеологическое. Что бы там ни говорил Маркс, как ни ругал он «идеологию вообще, немецкую в особенности», его учение кишит идеологемами⁴, которые он выдавал (и, видимо, сам принимал) за чисто научные постулаты. Они-то и были «синтезированы» его последователями в «философию истории исторического материализма» (Г. Лукач)⁵, для краткости: «истмат». После чего все и вся в истории рассматривалось сквозь призму этой синтетической философии.

Как метод научных открытий, диалектика спросом не пользовалась. Диамат и истмат покоились на сугубо формальной дедукции, *нисхождении от общего к частному*. На основе универсально-философских положений – типа «правила сочетания противоположностей» (Плеханов) или сакраментального «бытие определяет сознание» – строились умозаключения о любых явлениях природы и общественной жизни.

Здесь не стоит вдаваться в эту тему подробнее, интересующимся могу порекомендовать отличную свежую книгу С.Н. Мареева «Из истории советской философии» (М.: Культурная революция, 2008), главы I и III. – Достаточно отметить, что *диалектической логикой* тут и не пахло. Диамат и истмат вполне довольствовались логикой формальной.

4. Диалектическая логика Э. Ильенкова

В первые же годы после смерти Сталина философия ожила, начался своеобразный ренессанс философской классики – прежде всего диалектической логики Гегеля и Маркса. За четверть века безраздельного господства диамат превратил историю философии в лавку древностей, назначив каждому мыслителю «партийную» цену в зависимости от его вклада в

¹ «Мы употребляем термин “диалектический материализм”, который один только и может правильно характеризовать философию Маркса (Плеханов Г.В. Сочинения, т. 7, с. 247). «Философия Маркса... есть диалектический материализм» (т. 18, с. 261).

² «Я применю... выражение “исторический материализм” для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества...» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 22, с. 305-306).

³ «Материалистическое миросозерцание Маркса – Энгельса охватывало – как мы только что видели – и природу, и историю... Но, поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда *историческим*. Этот эпитет не характеризует материализма, а лишь обозначает одну из тех областей, к объяснению которых он применяется. Что может быть проще этого?» (Плеханов Г.В. Избранные философские произведения, т. 2, с. 280).

⁴ Больше всего их в «Манифесте коммунистической партии». В то время, когда писался этот документ, экономическая теория Маркса существовала еще в зародыше, а значит его декларации никак не могли быть *итоговым выводом* конкретно-научного исследования капиталистической экономики. Они имели под собой лишь *абстрактно-философскую* почву.

⁵ Лукач Г. История и классовое сознание. М., 2003. С. 134.

священную битву материализма с идеализмом. Те, кто пытался чему-то учиться у классиков и просто взглянуть на их наследие свежим взглядом – А. Лосев, В. Асмус, М. Лифшиц – надолго замолчали либо занялись менее опасными темами. В середине 50-х они осторожно начали браться за старое. В этот момент взошла и звезда Эвальда Ильенкова.

Начало оказалось трудным: Ильенкова изгнали из МГУ за написанные им совместно с В. Коровиковым тезисы о предмете философии. По сути, в них просто повторялась хорошо известная мысль Энгельса, что философия должна перестать грезить о «мире в целом»¹ и сосредоточиться на изучении законов и категорий мышления. Для Ильенкова предмет философии очерчивается категорией *идеального*, со всеми его феноменами – от формы стоимости до человеческой личности. Философия есть наука об идеях и идеальном.

Единственное, что философия может дать современной науке, – это *универсальный метод познания*, каковым является диалектика, диалектическая логика. Если научное знание сравнить с домом, то диалектика есть *архитектоника знания*. Без понимания законов строения хороший дом не построишь. Разумеется, одних архитектурных принципов для строительства мало – нужны также кирпичи, умелые руки, знание местности и много чего еще. Философский метод не заменяет специальных научных методов, но дает им основу, логический ориентир. Так примерно Ильенков представлял себе соотношение философии с другими науками, и все свои усилия он направил на разработку материалистической диалектики как логики и теории научного познания.

В середине 50-х он завершает книгу о методе восхождения от абстрактного к конкретному в теоретическом мышлении. Урезанная более чем наполовину и с иным заглавием, книга была напечатана 5 лет спустя².

На примере «Капитала» Ильенков показал, как теоретическое мышление прослеживает историю формирования предмета, начиная с простейшей, самой абстрактной формы его бытия и заканчивая наиболее развитыми и конкретными его формами. Энергию этому историческому процессу всегда сообщает особое противоречие, кроющееся в субстанции данного предмета. И всякая новая конкретная форма, принимаемая предметом, возникает в качестве средства разрешения этого противоречия – в точке столкновения противоположных сторон, или «моментов» его субстанции. Истина есть не что иное, как разрешенное (не только в уме, но и в реальности – самой вещью в ходе ее истории) противоречие, а диалектическая логика есть учение о методе конкретного разрешения реальных противоречий.

Логика формальная имеет дело с противоречиями, которые обязаны своим существованием невнимательности или небрежному обращению с понятиями. От таких противоречий можно и нужно избавляться. Но ведь взаимно отрицать и уничтожать друг друга могут не только понятия, могут делать это и сами вещи – «субъекты» вполне реальные.

Если формальное, мнимое противоречие должно быть *устранено* из мышления, то реальное противоречие должно быть *разрешено*.

Наткнувшись на противоречие, надлежит вначале разобраться, что перед нами – следствие неправильного рассуждения или же описание реального положения вещей. Сначала проверке подлежит первая из этих двух версий. Мысль поворачивает вспять и последовательно, шаг за шагом проверяет каждое свое действие вплоть до самой постановки проблемы (того, что, как говорят математики, «дано» – условий задачи). Если такая проверка не выявила ошибки, стало быть, перед нами реальное, истинное противоречие. В этом случае мышление должно изучать уже не форму собственных действий и высказываний, а свой предмет. Противоречие в нем, а не в нас. И *сам предмет* должен подсказать нам способ решения проблемы, фиксируемой в логической форме противоречия.

¹ Всякий, кто пытается строить особую «философскую картину мира», натурфилософию или философию истории, заслуживает публичного осмеяния не меньше, чем какой-нибудь изобретатель вечного двигателя (Потемкин А.В. О специфике философского знания. Ростов-на-Дону, 1973).

² Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960. В первоначальном виде издана в конце прошлого века: Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.

«Диалектика и заключается в том, что мы четко и ясно формулируем “противоречие”, доводим его до полной остроты и ясности выражения, а затем – находим ему реальное, конкретное, предметно-наглядное разрешение. И это именно происходит всегда путем открытия нового факта, в составе коего ранее выявленное нами “противоречие” одновременно и *осуществляется, и конкретно разрешается*»¹.

Факту тут отводится роль ключа, отмыкающего врата истины. Должен быть найден особый ключевой факт, точь-в-точь подходящий к «замку» противоречия. Самому Ильенкову мышление в ситуации противоречия напоминает разомкнутую электрическую цепь. На одном конце ее накоплен положительный заряд, на другом – отрицательный. Необходимо найти условие, благодаря которому напряжение разрядилось бы. Пробуем замкнуть концы кусочком стекла или дерева – ток не идет, напряжение сохраняется. Но стоит проделать то же с частицей металла и...

Объективное противоречие снимается посредством нахождения в эмпирической истории предмета такого конкретного факта или условия *икс*, благодаря которому данный предмет возникает. Так действует сама Природа, «синтезируя» всё новые типы существ и явлений. Диалектическое мышление прослеживает этот процесс эволюции мира, выясняя условия рождения на свет, в муках противоречий, той или иной новоявленной сущности.

Ну а нерешенное противоречие разрушает вещь. Отчего же гибнут вещи, как не из-за неодолимых противоречий? Противоречие есть форма не только рождения, но и смерти. В одном лице и палач и повивальная бабка всего сущего. На то оно и противоречие, чтобы совмещать противоположное.

Умение «выносить напряжение противоречий» и находить им конкретные формы разрешения Ильенков считал показателем культуры мышления, «ума». Человек, закрывающий глаза на реальные противоречия, при столкновении с противоречием впадающий в прострацию или в истерику, по праву может быть назван глупым.

Последнее касается и философов, требующих запрета *любых* противоречий в теоретическом мышлении. Дескать, противоречия водятся лишь в «речах», сами по себе вещи непротиворечивы. Удивительнее всего, что запрет мыслить противоречия *в вещах* обычно провозглашается от имени науки, полностью отвлекающейся от «вещественного» содержания высказываний. Формальная логика знает о реальных вещах не больше, чем арифметика – о числе кроликов на планете.

Ильенков не только учил диалектике, он и сам пробовал ее применять для решения проблем исторической науки и психологии, в последние десять лет жизни много занимался слепоглухими детьми. Отдельного разговора заслуживает «Космология духа»: в этой работе Ильенков предложил едва ли не единственное во всей истории философии *рациональное, логически обоснованное* решение проблемы смысла и цели существования в Природе мыслящих существ.

Затравленный и больной, Ильенков покончил с собой в марте 1979 года – с ним вместе ушла из жизни советская марксистская философия. Ну и, как уже бывало, очень скоро судьбу своего Сократа повторит взрастившее и сгубившее его государство, Советский Союз.

¹ Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. Москва – Воронеж, 2002, с. 28.